

С. В. Мирзаева

Калмыцкий научный центр РАН, Элиста

**О буддийской терминологии
монгольских и ойратских переводов
«Царя молитв-устремлений» («Бхадрачарья»)**

Рассматривается буддийская терминология монгольского и ойратского языков, представленная в текстах известного переводного сочинения «Царь молитв-устремлений» («Бхадрачарья»). Это сочинение было переведено с санскрита на тибетский в VIII–IX вв., а затем – с тибетского на монгольский и ойратский языки в период активного распространения буддизма в Монголии в XVI–XVII вв. На материале тибетского, монгольского и ойратского текстов автор, используя сравнительно-текстологический метод, анализирует буддийские термины, выделяет следующие лексические группы: антропонимы, топонимы, понятия буддийской мифологии, философские термины. В монгольской и ойратской версиях сочинения автором отмечен ряд заимствований из санскрита, уйгурского, китайского, тохарского языков. Сравнительный анализ монгольского и ойратского переводов показывает, что для монгольского текста характерно более активное использование уйгурских форм санскритских слов, в то время как переводчик ойратского текста старается восстановить оригинальную санскритскую форму слова. В ойратском тексте отмечается более строгое следование тибетскому оригиналу: каждый тибетский термин имеет лишь один перевод в ойратском, тогда как в монгольской версии одно и то же тибетское слово может быть переведено по-разному.

Ключевые слова: «Царь молитв-устремлений» («Бхадрачарья»), буддийская лексика, монгольский перевод, ойратский перевод.

Неотъемлемую часть средневековой монгольской литературы составляют переводные буддийские сочинения. Несмотря на общепринятое мнение о том, что буддизм попал к монголам из Тибета, среди ученых существуют альтернативные точки зрения относительно начала распространения буддизма среди монгольских народов: одни полагают, что монголы познакомились с буддизмом во время походов в Северный Китай ([Кучера, 1970; Златкин, 1983] и др.); другие придерживаются мнения о том, что знакомство монголов с буддизмом произошло через уйгуров в XIII–XIV вв. [Shogaito, 1991]. Академик Б. Я. Владимирцов отмечает, что «монголы... познакомились с буддизмом... еще при Чингисхане, а может быть, и ранее того. Монгольским племенам на заре их истории пришлось столкнуться с уйгурами, народом им родственным этнически, уйгуры были народом турецкого происхождения, живущими в условиях как оседлой, так и кочевой жиз-

Мирзаева Саглар Викторовна – научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН (ул. им. И. К. Илишкина, 8, Элиста, 358000, Россия; kundgabo@list.ru)

ни. <...> От них-то монголы и позаимствовали свои первые понятия о буддизме, который... был принят многими» [Владимирцов, 2005, с. 39]. А. Рона-Таш [Rona-Tas, 1965], Д. Кара [1972], Ш. Бира [1978], Г. Ц. Цыбиков [1981] и др. писали о том, что именно уйгурские буддийские учителя стали первыми наставниками монголов в постижении учения Будды.

Вместе с письменностью монголы позаимствовали и сложившуюся в уйгурском языке буддийскую терминологию. Несмотря на то, что, по предположениям многих ученых, уже в XII–XIV вв. в Монголии развивалась деятельность по переводу буддийских сочинений (см. [Успенский, 1988; Введение в изучение Ганчжура..., 1989; Ванчикова, 2016]¹), до нашего времени дошли лишь единичные тексты. В их числе можно назвать переводы «Бодхичарья-аватары» и «Панчаракиши» Чойджи-Одсэра, «Сутры золотого света», «Манджушри-намасамгити», «Лалитавистара-сутры» Шераб-сенге (Шаравсенге) и пр. В ходе своей работы переводчики пользовались и уйгурскими версиями, упоминание о чем содержится в колофоне монгольской версии «Сутры золотого света»: «Эту высочайшую, величественную и могучую златочистую книгу позже (т. е. после завершения тибетского перевода. – Д. К.) перевел с тибетских и уйгурских писаний на монгольский язык сакьяский монах Шераб-сенге...» (цит. по: [Кара, 1972, с. 22]). Кроме того, японский ученый М. Шогайто предполагает, что Шераб-сенге пользовался уйгурской версией и при переводе на монгольский «Лалитавистара-сутры», несмотря на то, что в самом тексте об этом упоминаний нет. Свой вывод исследователь обосновывает тем, что текст изобилует уйгурскими заимствованиями: в частности, вместо монгольского *köl* 'нога' используется уйгурское *adaq* [Shogaito, 1991, с. 30].

После падения династии Юань деятельность по переводу буддийских сочинений на монгольский язык практически прекратилась и возобновилась лишь в конце XVI в., когда среди монголов получил широкое распространение тибетский буддизм и в 1628–1629 гг. был осуществлен перевод с тибетского на монгольский язык Ганджура, а затем в 40-х гг. XVIII в. – Данджура, представляющие собой сборники тибето-монгольского буддийского канона. Буддийские переводы рубежа XVI–XVII вв., т. е. времени перевода Ганджура на монгольский язык, характеризуются отсутствием строгих принципов перевода, использованием большого количества уйгурских буддийских терминов. Техника, используемая переводчиками в сочинениях данного периода, описывается учеными как способ смыслового перевода [Монголын уран зохиолын тойм, 1976; Музраева, 2013]. Ко времени же перевода Данджура монгольскими учеными была проведена колоссальная работа по кодификации норм и принципов перевода буддийских терминов с тибетского на монгольский язык, для чего были составлены многочисленные лексикографические словари, в том числе словарь «Источник мудрецов» (монг. «Merged үгэгч-үйн олон») ². Буддийские сочинения данного периода, для которых характерен дословный перевод, отличаются строгим следованием тибетскому оригиналу как в плане синтаксиса, так и в плане морфологии, зачастую в ущерб строю монгольских языков. Техники смыслового и дословного перевода, которыми пользовались переводчики при переводе с тибетского на монгольский и ойратский языки, и их основная проблематика рассматриваются в работах А. Д. Цендиной [2001], Д. Н. Музраевой [2013; 2015].

В данной статье описывается буддийская терминология в монгольских и ойратских переводах сочинения «Царь молитв-устремлений» (санскр. «Ārya-bhadra-

¹ Некоторые ученые даже высказывают предположение о существовании монгольского перевода Трипитаки, осуществленного в перевод правления династии Юань [Shogaito, 1991, с. 30].

² Список использованных в статье языков: **монг.** – монгольский; **ойр.** – ойратский; **санскр.** – санскрит; **согд.** – согдийский; **тиб.** – тибетский.

cārya-pranidhāna-rāja»; тиб. «'Phags pa bzang po spyod pa'i smon lam gyi rgyal po»; монг. «Qutuq-tu sayin yabudal-un irüger-ün qayan»; ойр. «Xutuqtu sayin yabudaliyin iröliyin xān»). Это сочинение принадлежит к жанру *пранидхан* – своеобразных религиозных клятв или молитв [Корнеев, 2014], «молитв благопожелания» [Патрул Ринпоче, 2007].

«Царь молитв-устремлений» – произведение, созданное в Индии и получившее окончательное оформление в центральноазиатской буддийской литературе в виде заключительной части «Аватамсака-сутры», одного из ключевых текстов буддизма Махаяны [Торчинов, 2005, с. 71]. «Аватамсака-сутра» представляет собой собрание из двадцати двух сутр, в которых повествуется о девяти встречах Будды, прежде всего в облике Будды Вайрочаны, с бодхисаттвами и богами. «Царь молитв-устремлений» был переведен с санскрита на тибетский язык в VIII–IX вв. «индийским наставником Джинамитрой, лоцзавой банди Еше Де и др. Редакцию перевода осуществил великий редактор и лоцзава Вайрочана» (цит. по: [Корнеев, 2014, с. 113]). В Данджуре содержатся многочисленные комментарии на данный текст, составленные известными буддийскими мыслителями – Нагарджуной, Ланкабхадрой, Васубандху и др. [Цыбиков, 1981]. Кроме того, известны комментарии тибетских авторов – Джанджа Ролби Дордже, Гьялцаб Дарма Ринчена, Лочена Дхармашри, Адзома Гьялсе Гьюрмэ Дордже и др. На монгольский язык текст «Царя молитв-устремлений» впервые был переведен, скорее всего, в составе Ганджура, а затем получил распространение в виде отдельной сутры. Этот текст также очень популярен в современной буддийской традиции: тибетские буддисты читают его во время посвящения заслуг, а также во время похоронных обрядов. И. Шарле отмечает, что «во Внешней и Внутренней Монголии миряне просят монахов читать именно этот текст первым» [Charleaux, 2015, с. 375]. Кроме того, «Царь молитв-устремлений» представлен в традиции домашних молений калмыков, описанной в работах Э. П. Бакаевой [Бакаева, 2010; Бакаева, 1994; 1998; 2004; 2011], Г. Ю. Бадмаевой [2010], Г. Б. Корнеева [2014; 2015] и др.

В статье нами использованы три текста «Царя молитв-устремлений»:

- тибетский текст «Bzang spyod smon lam bzhugs so» из молитвенного сборника «Bstod smon phyogs bsgrigs» («Сборник восхвалений и молитв-устремлений») (Bstod smon, 1959);
- монгольский текст «Qutuq-tu sayin yabudal-un irüger-ün qayan oruṣiba» из факсимильного издания ксилографического Ганджура (Qutuqtu sayin, 1979);
- фотокопия ойратского текста «Xutuqtu sayin yabudaliyin iröliyin xān ogoṣiboï» из коллекции ламы Г. Ядамжава (сомон Манхан, Кобдоский аймак, Монголия) (Sayin yabudaliyin, колл. Г. Ядамжава).

Несмотря на популярность этого текста в традициях Тибета и Монголии, он еще не выступал объектом специального исследования. В работе мы хотим, используя сравнительно-текстологический метод, описать некоторые особенности буддийской терминологии на материале тибетского, монгольского и ойратского текстов «Царя молитв-устремлений».

Лексические заимствования в монгольском письменном языке рассматривались в публикациях Н. Н. Поппе [Poppe, 1955], М. Шогайто [Shogaito, 1991], Б. Я. Владимирцова [2005], А. Д. Коссе [2007] и др. Большую часть заимствований составляют санскритизмы, попавшие в монгольский из уйгурского языка. В уйгурский же эти термины попали также в искаженной форме из тохарского и согдийского языков, являвшихся в период формирования уйгурской буддийской литературы основными языками центральноазиатского буддизма. Некоторые принципы изменения санскритизмов под влиянием тохарского и уйгурского языков изложены в статье М. Шогайто [Shogaito, 1991].

Перед рассмотрением буддийской лексики стоит отметить, что «Царь молитв-устремлений» был переведен на монгольский, вероятнее всего, в составе Ганджу-

ра в XVI–XVII вв. (об истории формирования монгольского Ганджура см. [Алексеев, 2015; Ванчикова, 2016]). Ойратский перевод, авторство которого Г. Корнеев приписывает Зая-пандите Намкай Джамцо, был составлен позже, во второй половине XVII в. Поскольку монгольский и ойратский варианты составлены в разное время, для нас представляет особый интерес анализ монгольских и ойратских способов перевода ключевых понятий буддизма в синхронном и диахронном срезах, что позволит проследить историю формирования и развития буддийской терминологии в монгольских языках.

В тексте «Царя молитв-устремлений» в пласте буддийской лексики можно выделить следующие группы: антропонимы, или имена собственные; топонимы; понятия буддийской космологии и мифологии; буддийские философские понятия. В табл. 1 приведен список антропонимов.

Таблица 1

Антропонимы в монгольском и ойратском переводах

Table 1

Anthroponyms in Mongolian and Oirat translations

Буддийский антропоним	Перевод	
	монгольский	ойратский
<i>'Phags pa 'Jam dpal gzhon nu</i> 'Благородный юный Манджушри'	<i>Ori boluγsan Mañjusri</i> 'Ставший юным Манджушри'	<i>Xutuqtu zalou Mañzušri</i> 'Благородный юный Манджушри'
<i>Kun tu bzang</i> 'Всеблагой'	<i>Samantabadari</i> 'Самантабхадра'	<i>Samanta Bhadra</i> 'Самантабхадра'
<i>'Jam dpal</i> 'Манджушри'	<i>Mañjušri</i> 'Манджушри'	<i>Mandzušri</i> 'Манджушри'
<i>Snang ba mtha' yas / 'Od dpag med pa</i> букв. 'безграничный свет', 'Будда Амиабха'	<i>Abida burqan</i> 'Будда Амиабха'	<i>Amitabha burxan</i> 'Будда Амиабха'

В монгольском переводе имени Манджушри использовано уйгурское слово *ori* 'юный'; также отсутствует компонент 'благородный', представленный в тибетском и ойратском вариантах. В ойратском переводе в значении 'юный' использовано слово *zalou*. Во втором примере – переводе имени бодхисаттвы Самантабхадры – наблюдается различие в передаче санскритского имени: монгольский вариант – это санскритское имя, подвергшееся влиянию уйгурского языка (о морфологических изменениях санскритизмов под влиянием уйгурского языка см. [Shogaito, 1991]); ойратский же вариант отражает санскритское написание имени. В монгольском и ойратском переводах имени Манджушри различий нет. Наконец, в переводах имени будды Амиабхи мы видим, что в монгольском тексте использована форма *Abida*, восходящая к уйгурскому слову *Abita*, которое в свою очередь восходит к китайскому 阿彌陀 (*Ē mí tuó Fó*); в ойратском переводе снова использована санскритская форма имени.

Из топонимов в рассматриваемом тексте нами выявлено только название Сукхавати – Чистой Земли Будды Амиабхи (тиб. *Bde ba can*, монг. *Sukhavadi*, ойр. *Sukavadi*). Монгольский и ойратский переводы представляют собой искаженное санскритское название. В табл. 2 представлен перечень понятий буддийской мифологии.

О монгольском слове *burqan* М. Шогайто и К. Кудара пишут, что оно восходит к китайскому *fo* (佛) + уважительное окончание алтайской семьи языков *-qan / -khan* [Shogaito, 1991, с. 37; Kudara, 2002, с. 186]. В следующем примере

(*Sangs rgyas sras – Ilayusad-un köbegün – Burxani köböün*) видны различия в техниках перевода: в монгольском тексте *Sangs rgyas* переведено как *Ilayusad*, а не как *burqan* (как в предыдущем примере), что говорит о вольном, смысловом, переводе; в ойратском оставлен перевод *burxan*. Интерес представляют также способы перевода тибетского слова *klu*: в монгольском тексте использована лексема, заимствованная из китайского языка, – *lu* (龍) + показатель множественного числа *-s*; в ойратском же тексте приведена форма, соответствующая по написанию тибетскому слову. Монгольское слово *qumbandin* представляет собой, вероятно, искаженную форму санскритского заимствования из уйгурского языка (санскр. *kumbhāṇḍa*). Ойратское *kusmande* более приближено к другому варианту написания – *kūṣmāṇḍa*. В табл. 3 приведены способы перевода буддийских понятий на монгольский и ойратский языки.

Таблица 2

Понятия буддийской мифологии в монгольском и ойратском переводах

Table 2

Terms concerning Buddhist mythology in Mongolian and Oirat translations

Понятие буддийской мифологии	Перевод	
	монгольский	ойратский
<i>Sangs rgyas</i> 'Будда'	<i>Burqan</i> 'Будда'	<i>Burxan</i> 'Будда'
<i>Sangs rgyas sras</i> 'бодхисаттва' (букв. 'Сын Будды')	<i>Ilayusad-un köbegün</i> (<i>bodhi satva</i>) 'Сын Будды', 'бодхисаттва'	<i>Burxani köböün (bodhi satva)</i> 'Сын Будды', 'бодхисаттва'
<i>Rgyal ba</i> 'Победоносные'	<i>Ilayusad</i> 'Победоносные'	<i>Ilayusad</i> 'Победоносные'
<i>Lha</i> 'небожители'	<i>Tngri</i> 'небожители'	<i>Tenggeri</i> 'небожители'
<i>Klu</i> 'наги'	<i>Luus</i> 'наги'	<i>Klu</i> 'наги'
<i>Gnod sbyin</i> 'якша' (букв. 'причиняющий зло')	<i>Yagqa</i> 'якши'	<i>Yakša</i> 'якши'
<i>Bdud</i> 'демон, злой дух, мара'	<i>Šimnu</i> 'злой дух, демон'	<i>Šimnus</i> 'злой дух, демон'
<i>Grul bum</i> 'кумбханда, существо, относящееся к классу якш и входящее в свиту Лхамо'	<i>Qumbandin</i> 'кумбханда'	<i>Kusmande</i> 'кумбханда'

Проанализируем некоторые из приведенных примеров: тибетское *lung bstan* переведено на монгольский как *vivanggrid* от уйгурского *vayakrit* – искаженной формы санскритского *vāṅkṛta*; ойратское *bhyakirid* близко к санскритской форме слова. Еще одной искаженной формой является монгольское слово *diyan*. В рассматриваемой лексической группе как в монгольском, так и в ойратском текстах встречаются заимствования из уйгурского языка: *belge bilig / belge biliq, bilig ary-a / ary-a biliq, yelvi / yelbi*. Кроме того, несколько терминов восходят к лексемам согдийского языка, описанным в работе М. Шогайто: *nisvanis* от согд. *nyzβ'ny*, *buyan* от согд. *pwny'n*, *šaṣabad / šaṣābad* от согд. *škš'pt* [Shogaito, 1991, с. 37]. Монгольское слово *költi* 'десять миллионов' также восхо-

дит к согдийской форме *kwrty*; в ойратском тексте приводится форма *byeva*, являющаяся калькой тибетского *bye ba*. В одном примере (*mya ngan las 'das pa – nirvan – yaslang-ēče nōqčiqsōn*) ойратскими переводчиками использована техника дословного перевода тибетского термина, в то время как в монгольском тексте используется санскритский термин.

Таблица 3

Буддийские термины в монгольском и ойратском переводах

Table 3

Buddhist terms in Mongolian and Oirat translations

Буддийский термин	Перевод	
	монгольский	ойратский
<i>Smon lam</i> 'молитва-устремление'	<i>Irüger joriy</i> 'благопожелание'	<i>Iröl</i> 'благопожелание'
<i>Dge ba / bsod nams</i> 'добродетель, благо'	<i>Buyan</i> 'добродетель'	<i>Buyan</i> 'добродетель'
<i>Lung bstan</i> 'духовные наставления, пророчество'	<i>Vivanggrid</i> 'духовные наставления, пророчество'	<i>Bhyakirid</i> 'духовные наставления, пророчество'
<i>Byang chub sems</i> 'бодхичитта'	<i>Boddhucid sedkil</i> 'бодхичитта'	<i>Bodhi sedkil</i> 'бодхичитта'
<i>Byang chub mchog</i> 'высшее Просветление'	<i>Degedü qutuγ</i> 'высшая святость'	<i>Dödü Bodhi</i> 'высшее Просветление'
<i>Mya ngan 'das pa</i> (букв. 'уход от страданий', 'нирвана')	<i>Nirvan</i> 'нирвана'	<i>Gaslang-ēče nōqčiqsōn</i> (букв. 'уход от страда- ний', 'нирвана')
<i>Las</i> 'карма, действия'	<i>Jayaγan</i> 'карма, судьба'	<i>Zayān</i> 'карма, судьба'
<i>Nyon mongs</i> 'омрачения, клеши'	<i>Nisvanis</i> 'омрачения'	<i>Nisvanis</i> 'омрачения'
<i>Ye shes</i> 'изначальная мудрость'	<i>Belge bilig</i> 'изначальная мудрость'	<i>Belge biliq</i> 'изначальная мудрость'
<i>Shes rab thabs</i> 'мудрость и метод'	<i>Biliq arγa</i> 'мудрость и метод'	<i>Arγa biliq</i> 'мудрость и метод'
<i>Ting 'dzin</i> 'созерцание, дхьяна'	<i>Diyan</i> 'созерцание, дхьяна'	<i>Diγān</i> 'созерцание, дхьяна'
<i>Rdzu 'phrul</i> 'сверхъестественные силы'	<i>Ridi kücün</i> 'сверхъестественные силы'	<i>Ridi xubilγan</i> 'сверхъестественные силы'
<i>Sgyu ta</i> 'иллюзия'	<i>Yelvi</i> 'иллюзия'	<i>Yelbi</i> 'иллюзия'
<i>Sdig pa</i> 'грех, проступок'	<i>Nigül kilince</i> 'грех, проступок'	<i>Kilince</i> 'грех, проступок'
<i>Tshul khrims</i> 'нравственность'	<i>Šaqšabad</i> 'нравственность'	<i>Šaqšābad</i> 'нравственность'

Проведенный анализ буддийской лексики монгольской и ойратской версий текста «Царя молитв-устремлений» в сравнении с тибетским оригиналом позволяет сделать некоторые выводы. Для монгольского текста характерна вольная манера перевода: одно и то же понятие переводится разными словами (*Sangs rgyas sras – Ilayırsad-un köbegün* или *bodhi satuva*). В ойратском тексте, который

отличается более строгим следованием тибетскому оригиналу, у каждого термина может быть только один способ перевода (*sangs rgyas – burxan*). Для монгольского текста характерно присутствие большого количества уйгурских терминов, заимствованных из санскрита, тохарского или согдийского языков и подвергшихся фонетическим и морфологическим трансформациям. Те же термины в ойратском тексте максимально приближены к санскритскому написанию. В монгольском и ойратском переводах также встречается ряд заимствований из китайского (*Abida, burqan / burxan, luus*), тибетского (*klu, byeva*) и уйгурского (*belge bilig / belge biliq, bilig ary-a / ary-a biliq, yelvi / yelbi*) языков. Кроме того, в ойратском тексте отмечен случай дословного перевода санскритского *nirvāṇa* как *γaslang-ēče nōqčiqsön*, в то время как в монгольском варианте этот термин переведен как *nirvan*. Таким образом, подобные исследования языка переводных памятников на монгольском и ойратском письме позволят проследить историю формирования и развития буддийской терминологии в монгольских языках.

Список литературы

- Алексеев К. В.* Монгольский Ганджур: генезис и структура // Страны и народы Востока. / Под ред. И. Ф. Поповой, Т. Д. Скрынниковой. М.: Наука. Вост. лит., 2015. Вып. 36: Религии на Востоке. С. 190–228.
- Бадмаева Г. Ю.* Молитвенные напевы обряда мацг (день поста) // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 350–351. (Народы и культуры).
- Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 127 с.
- Бакаева Э. П.* Калмыки: религия и ее этническая специфика // Буддизм России. 1998. № 29–30. С. 51–55.
- Бакаева Э. П.* Об особенностях современной религиозной ситуации в Калмыкии (буддизм и «посвященные») // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 23–39.
- Бакаева Э. П.* К этническим характеристикам калмыцкого буддизма: обряд «мацг» // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. С. 120–123.
- Бира Ш.* Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М.: Наука, 1978. 320 с.
- Ванчикова Ц. П.* К истории монгольского рукописного Ганджура и о современных исследованиях буддийских канонических компендиумов // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 5. С. 157–165.
- Введение в изучение Ганчжура и Данчжура: Историко-библиографический очерк / Н. Д. Болсохоева, Б.-Д. Бадараев, Ц. П. Ванчикова и др. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 199 с.
- Владимирцов Б. Я.* Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005. 952 с.
- Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). 2-е изд. М.: Наука, 1983. 336 с.
- Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, 1972. 229 с.
- Корнеев Г. Б.* Некоторые проблемы тибето-монгольской интерференции в ойратских рукописных памятниках XVII в. (на материале сутры «Царь благих пожеланий») // Вестн. Калмыц. ин-та гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 111–118.
- Корнеев Г. Б.* О традиции домашних молений в калмыцком буддизме: специфика текстов // Вестн. Калмыц. ин-та гуманитарных исслед. РАН. 2015. № 2. С. 104–110.
- Коссе А. Д.* Буддийские термины со значением ‘религия’, ‘проповедь’, ‘учение’, ‘трактат’ в монгольских текстах юаньского периода // Вестн. С.-Петербурга.

ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 3, ч. 1. С. 108–114.

Кучера С. Р. Монголы и Тибет при Чингисхане и его преемниках // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 255–270.

Монголын уран зохиолын тойм. II дэвтэр (XVII–XVIII үе) / Ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976. 672 х. (на монг. яз.)

Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2013. 150 с. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках)

Музраева Д. Н. Сравнительные исследования монгольских и ойратских переводов буддийской литературы (основная проблематика) // *Mongolica XV*: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. С. 16–23.

Патрул Ринпоче. Слова моего несравненного учителя. СПб.: Нартанг, 2007. 504 с.

Торчинов Е. А. Введение в буддизм. СПб.: Амфора, 2005. 432 с.

Успенский В. Л. Буддийский канон // Книга Монголии. Альманах библиофила. М., 1988. Вып. 24. С. 191–200.

Цендина А. Д. Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» // *Mongolica V*, 2001. СПб., 2001. С. 54–74.

Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: В 2 т. Новосибирск: Наука, 1981. Т. 2: О центральном Тибете, Монголии и Бурятии. 240 с.

Bakaeva E. P. Lamaism in Kalmykia // *Religion and Politics in Russia* / Ed. by M. M. Balzer. New York; London, 2010. P. 220–223.

Charleaux I. Nomads on Pilgrimage: Mongols on Wutaishan (China), 1800–1940. Leiden, 2015. 471 p.

Kudara K. The Buddhist culture of the Old Uigur peoples // *Pacific World 3rd Ser.* 4. 2002. P. 183–195.

Poppe N. The Turkic loan-words in Middle Mongolian // *Central Asiatic Journal.* 1955. Vol. 1. P. 36–42.

Rona-Tas A. Some notes on the terminology of Mongolian writing // *Acta Orientalia.* 1965. Vol. 18, no. 7. P. 121.

Shogaito M. On Uighur elements in Buddhist Mongolian texts // *The Memoirs of the Toyo Bunko.* 1991. No. 49. P. 27–49.

Список источников

Bzang spyod smon lam // Bstod smon phyogs bsgrigs. Mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1959. 355 p.

Sayin yabudaliyin iröliiyin xān // Сомон Манхан. Кобдоский аймак. Монголия. Колл. Г. Ядамжава. Фотокоп. ойратской рукоп.

Qutuγtu sayin yabudal-un irüger-ün qaγan // *Nomuγadqaqu-yin sitügen. Śata-piṭaka ser.* New Delhi: Indo-Asian literatures, 1979. Vol. 208. P. 499–508.

S. V. Mirzaeva

*Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Elista, Russian Federation, kundgabo@list.ru*

“The King of Aspiration Prayers” (“Bhadracarya”): Buddhist terminology of Mongolian and Oirat translations revisited

The paper considers the Buddhist terminology of Mongolian- and Oirat-language texts of the well-known translated work *The King of Aspiration Prayers (Bhadracarya)*. The composition was

translated from Sanskrit into Tibetan in the 8th – 9th centuries, and then from Tibetan to Mongolian and Oirat during the period of active dissemination of Buddhism in Mongolia in the 16th – 17th centuries. Being a part of the *Avatamsaka Sūtra*, nowadays *The King of Aspiration Prayers* exists among Mongolian-speaking peoples in the form of a separate text which is recited at the end of regular Buddhist practices or during funeral rites. With evidence from Tibetan, Mongolian and Oirat texts and applying a comparative-textual method, the paper analyzes Buddhist terms emphasizing the lexical groups as follows: anthroponyms, toponyms, concepts of Buddhist mythology, and philosophical terms. The article reveals that the Mongolian and Oirat versions of *The King of Aspiration Prayers* contain a number of borrowings from Sanskrit, Uighur, Chinese, Sogdian and Tocharian languages. A comparative analysis of the Mongolian and Oirat translations shows that the Mongolian text is characterized by more active use of Uighur forms of Sanskrit words, while the Oirat text interpreter attempted to restore the original Sanskrit forms of such words. In addition, the Oirat text is characterized by a stricter adherence to the original Tibetan text: each Tibetan term has only one translation equivalent in the Oirat text, whereas the Mongolian version may apply differing translation variants for the same Tibetan word.

Keywords: “The King of Aspiration Prayers” (“Bhadracarya”), Buddhist vocabulary, Mongolian translation, Oirat translation.

DOI 10.17223/18137083/68/18

References

- Alekseyev K. V. Mongol'skiy Gandzhur: genesis i struktura [The Mongolian Kangyur: genesis and structure]. In: *Strany i narody Vostoka. Vyp. 36: Religii na Vostoke* [Countries and peoples of the East. Iss. 36. Religions of the East]. I. F. Popova, T. D. Skrynnikova (Eds). Moscow, Nauka, Vost. lit., 2015, pp. 190–228.
- Badmayeva G. Yu. Molitvennyye napevy obryada matsg (den' posta) [The prayer melodies of the rite of matsg (day of fasting)]. In: *Kalmyki* [The Kalmyks]. Moscow, Nauka, 2010, pp. 350–351. (Narody i kul'tury [Peoples and cultures]).
- Bakayeva E. P. *Buddizm v Kalmykii. Istoriko-etnograficheskiye ocherk* [Buddhism in Kalmykia. Historical and ethnographic essays]. Elista, Kalm. kn. izd., 1994, 127 p.
- Bakayeva E. P. Lamaism in Kalmykia. In: *Religion and politics in Russia*. M. M. Balzer (Ed.). New York, London, 2010, pp. 220–223.
- Bakayeva E. P. Kalmyki: religiya i eye etnicheskaya spetsifika [Kalmyks: religion and its ethnic specifics]. *Buddizm Rossii*. 1998, no. 29–30, pp. 51–55.
- Bakayeva E. P. K etnicheskim kharakteristikam kalmytskogo buddizma: obryad “matsg” [To the ethnic characteristics of Kalmyk Buddhism: the rite of “matsg”]. *Scientific Thought of Caucasus*. 2011, no. 1, pt. 2, pp. 120–123.
- Bakayeva E. P. Ob osobennostyakh sovremennoy religioznoy situatsii v Kalmykii (buddizm i “posvyashchennyye”) [The peculiarities of the modern religious situation in Kalmykia (Buddhism and the “initiated” ones)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2004, no. 3, pp. 23–39.
- Bira Sh. *Mongol'skaya istoriografiya (13–17 vv.)* [Mongolian historiography (13th–17th centuries)]. Moscow, Nauka, 1978, 320 p.
- Charleaux I. *Nomads on Pilgrimage: Mongola on Wutaishan (China), 1800–1940*. Leiden, 2015, 471 p.
- Kudara K. The Buddhist culture of the Old Uigur peoples. *Pacific World*. 3rd series. 2002, no. 4, pp. 183–195.
- Poppe N. The Turkic loan-words in Middle Mongolian. *Central Asiatic Journal*. 1955, vol. 1, pp. 36–42.
- Rona-Tas A. Some notes on the terminology of Mongolian writing. *Acta Orientalia*. 1965, vol. 18, no. 7, p. 121.
- Shogaito M. On Uighur elements in Buddhist Mongolian texts. *The Memoirs of the Toyo Bunko*. 1991, no. 49, pp. 27–49.
- Kara G. *Knigi mongol'skikh kochevnikov (sem' vekov mongol'skoy pis'mennosti)* [Books of Mongolian nomads (seven centuries of Mongolian writing)]. Moscow, Nauka, 1972, 229 p.
- Korneyev G. B. Nekotoryye problemy tibeto-mongol'skoy interferentsii v oyratskikh rukopisnykh pamyatnikakh 17 v. (na materiale sutry “Tsar' blagikh pozhelaniy”) [Some problems of Tibeto-Mongolian interference in Oirat manuscript monuments of the 17th century (on the material of the sutra “The King of Good Wishes”)]. *Oriental Studies*. 2014, no. 3, pp. 111–118.

Korneyev G. B. O traditsii domashnikh moleniy v kalmytskom buddizme: spetsifika tekstov [On the tradition of domestic prayers in Kalmyk Buddhism: the specificity of texts]. *Oriental Studies*. 2015, no. 2, pp. 104–110.

Kosse A. D. Buddiyskiye terminy so znacheniyem ‘religiya’, ‘propoved’, ‘ucheniye’, ‘traktat’ v mongol’skikh tekstakh yuan’skogo perioda [Buddhist terms with the meaning ‘religion’, ‘sermon’, ‘doctrine’, ‘tract’ in the Mongolian texts of the Yuan period]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*. 2007, iss. 3, pt. 1, pp. 108–114.

Kuchera S. R. Mongoly i Tibet pri Chingiskhane i ego preyemnikakh [Mongols and Tibet under Genghis Khan and his successors]. In: *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. Moscow, 1970, pp. 255–270.

Mongolyn uran zokhiolyn toym. II devter (17–18 ye) [Compendium of Mongolian literature. Devter II (17th–18th centuries)]. Ts. Damdinsuren, D. Tsend (Eds). Ulaanbaatar, Shinzhlekh ukhaany akademiyn khevel, 1976, 672 p. (in Mongolian)

Muzrayeva D. N. Sravnitel’nyye issledovaniya mongol’skikh i oyratskikh perevodov buddiyskoy literatury (osnovnaya problematika) [The comparative studies of Mongolian and Oirat translations of Buddhist literature (fundamental problems)]. In: *Mongolica 15: Sb. st.* [Mongolica 15. Coll. art.]. St. Petersburg, Peterburgskoye vostokovedeniye, 2015, pp. 16–23.

Muzrayeva D. N. *Tibeto-mongol’skaya povestvovatel’naya literatura 17–18 vv.* [The Tibetan-Mongolian narrative literature of the 17th–18th centuries]. Elista, Dzhangar, 2013, 150 p. (Perevodnyye pis’mennyye pamyatniki na mongol’skom i oyratskom yazykakh [Translated written works in Mongolian and Oirat]).

Patrul Rinpoche. *Slova moego nesravnennogo uchitelya* [The words of my perfect teacher]. St. Petersburg, Nartang, 2007, 504 p.

Torchinov E. A. *Vvedeniye v buddizm* [Introduction to Buddhism]. St. Petersburg, Amfora, 2005, 432 p.

Tsendina A. D. Dva mongol’skikh perevoda tibetskogo sochineniya “Kniga syna” [Two Mongolian translations of the Tibetan composition “The Book of a Son”]. In: *Mongolica 5*, 2001. St. Petersburg, 2001, pp. 54–74.

Tsybikov G. Ts. *Izbrannyye trudy: V 2 t. T. 2: O tsentral’nom Tibete, Mongolii i Buryatii* [Selected works: In 2 vols. Vol. 2: On the Central Tibet, Mongolia and Buryatia]. Novosibirsk, Nauka, 1981, 240 p.

Uspenskiy V. L. Buddiyskiy kanon [The Buddhist Canon]. In: *Kniga Mongolii. Al’manakh bibliofila* [The Book of Mongolia. Bibliophile’s Almanac]. Moscow, 1988, iss. 24, pp. 191–200.

Vanchikova Ts. P. K istorii mongol’skogo rukopisnogo Gandzhura i o sovremennykh issledovaniyakh buddiyskikh kanonicheskikh kompendiumov [To the history of Mongolian handwritten Ganjur and about contemporary researches of the Buddhist canonic compendiums]. *Humanitarian Vector (Gumanitarnyi Vektor)*. 2016, vol. 11, no. 5, pp. 157–165.

Vvedenie v izuchenie Ganchzhura i Danchzhura: Istoriko-bibliograficheskiy ocherk [Introduction to studies of the Kangyur and Tengyur: Historical and bibliographic essay]. R. E. Purbayev (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 1989, 199 p.

Vladimirtsov B. Ya. *Raboty po mongol’skomu yazykoznaniyu* [Works on Mongolian linguistics]. Moscow, Vost. lit., 2005, 952 p.

Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635–1758). 2-e izd.* [History of the Dzungar Khanate (1635–1758). 2nd ed.]. Moscow, Nauka, 1983, 336 p.

List of sources

Bzang spyod smon lam. In: *Bstod smon phyogs bsgrigs*. Mtsho sngon, 1959, 355 p.

Sayin yabudaliyin iröliyin xān. Somon Mankhan. Kobdoskiy aymak. Mongoliya. Koll. G. Yadamzhava. Fotokop. oyratskoy rukop. [A photocopy of the Oirat manuscript from the collection of G. Yadamjav]

Qutuytu sayin yabudal-un irüger-ün qayan. Nomuyadqaqu-yin sitügen. *Śata-piṭaka series. Indo-Asian literatures*. New Delhi, 1979, vol. 208, pp. 499–508.